

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава сорок первая

Мои университеты

«Вы тоже жертвы века...»

Москва заворожала меня интеллектуальным бурлением. Доклад Хрущева на XX съезде КПСС открыл глаза на многое, и главным потрясением было то, что, говоря словами Галича, «оказался наш отец не отцом, а сукою». Но я до сих пор не перестаю удивляться тому, насколько у десятков миллионов глаза до этого были закрыты. Ведь, если говорить всерьез, все поголовно были жертвами, включая тех, кто по выбору власти исполнял роли палачей. Не зря Пастернак написал: «Наверно, вы не дрогнете, сметая человека. / Что ж, мученики догмата, вы тоже – жертвы века...» Сколько видел я людей, которые впали в шоковое состояние: «Как? Неужели?! Этого не может быть, этого не было!..» Но даже и те, кто признал, что ЭТО все-таки БЫЛО, повторяли растерянно: «Мы ничего не знали». И только дожив до глубокой старости (кому дожить удалось), они, опять-таки с подсказки высшего начальства, «прозрели» и кое-что как будто поняли.

Таким видом куриной слепоты страдали не только советские люди. В Западной Германии в 49-м году, через четыре года после полного разгрома страны, 70 процентов на вопрос, кто был самым великим политическим деятелем XX века, ответили: «Гитлер». Страна лежала в руинах, состоялся Нюрнбергский процесс, немцам показали (многих водили туда насильно) лагеря смерти, продемонстрировали фильмы с горами трупов... и все равно: «Кто самый великий? Гитлер!» Правда, через несколько лет от 70 процентов осталось не больше шести. У нас же процесс осознания народом своей истории затянулся на десятилетия. И когда кончится – неизвестно...

Оказавшись в Москве, я вскоре увидел, что литературная интеллигенция разделена в основном на два лагеря – левых и правых. Левые (родители теперешних правых либералов) стояли за Ленина, правые (ставшие впоследствии левыми) – за Сталина. Я, конечно, оказался ближе к левым. Я Сталина не любил с детства, а что касается Ленина – верил на слово, что он хороший.

Поэты, и левые, и правые, писали о коммунизме, и содержание стихов было приблизительно одно, но подтекст для тех, кто понимал, был разный. У правых в подтексте воспевались твердый порядок и непримиримость в борьбе с врагами, внешними и особенно с внутренними. Левые прославляли романтику революции и «комиссаров в пыльных шлемах». Они хотели, говоря словами Маяковского, «сиять заставить заново величественное слово «партия». Задача, как мне уже тогда представлялось, бессмысленная и глупая. Да и что может быть величественного в слове «партия»?

Правые были примитивны, бездарны, их показательный патриотизм объяснялся пониманием того, что при другом режиме они никому не будут нужны. Левые были интеллигентней, талантливей, бескорыстней, но многих из них я понимал еще хуже, чем правых. Их стихи были пронизаны духом протеста. Не против сталинских репрессий, тем более не против режима вообще, а против казенщины и мещанства. На головы тех, кто хотел жить тихо,

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС открыл глаза на многое, и главным потрясением было то, что, говоря словами Галича, «оказался наш отец не отцом, а сукою».

Но я до сих пор не перестаю удивляться тому, насколько у десятков миллионов глаза до этого были закрыты. Ведь, если говорить всерьез, все поголовно были жертвами, включая тех, кто исполнял роли палачей...

мирно, семейно, воспитывать детей, ни во что не соваться и от всего уклоняться, сыпался град рифмованных насмешек и проклятий. Особенной критике подвергались признаки мещанского уюта: тюлевые занавески, герань на окнах и фарфоровые слоники на этажерках. На самих мещан эта ругань никак не действовала, потому что они (мещане же!) стихов о себе не читали и продолжали ухаживать за геранью. Но часто причиной протеста были какие-то явления, искусственно возводившиеся в ранг заслуживающих негодования.

Борьба с мещанами и анонимами

Никогда не забуду, как шел к Григорию Михайловичу Левину в «Литгазету», где он временно работал. Первый раз в жизни ехал в лифте. Попутчики вышли на промежуточных этажах. На последний, шестой, я приехал один и боялся открыть дверь, думая: вдруг сделаю что-то не то и лифт рухнет.

Левин сразу засыпал меня градом вопросов:

– Кого вы знаете из современных поэтов?

Я знал более или менее только двух – Твардовского и Симонова.

– А как относитесь к Луговскому? Что думаете об Асееве? А «Строгая любовь» Смелякова вам нравится?..

Как из корзины, сыпались имена: Заболоцкий, Сельвинский, Кирсанов, Казин, Кульчицкий, Недогонов, Наровчатов, Луконин... Боже! Сейчас он обнаружит, что я ни о ком из названных им поэтов никогда ничего не слышал. Мое счастье было в том, что от моих ответов не слушал. Но все равно мне было страшно. Опять захотелось бежать.

Наконец, Левин перестал называть имена и резко сказал:

– Ну, давайте ваши стихи!

Дрожащими руками я вынул из пазухи тетрадь.

Если бы мне сейчас какой-нибудь молодой стихотворец показал такие стихи, мог ли бы я в них обнаружить хоть малейшие признаки таланта? Не уверен. Я и тогда боялся, что Левин полистает тетрадь и швырнет мне ее обратно с негодованием. Или скажет что-нибудь вежливое, но убийственное, несмотря на то, что я железнодорожник. К моему удивлению, читая стихи, в каком-то месте он улыбнулся, в другом даже одобрительно хмыкнул, а потом, не обсуждая их, предложил мне поехать с ним в парк Горького, где у него было выступление на тему «Не проходите мимо». Я воспринял предложение как положительную рецензию. Если бы стихи ему не понравились, он вряд ли позвал бы меня в свою компанию. С ним, кроме него, в парке Горького выступали совсем еще молодой Роберт Рождественский и крокодильский сатирик Борис Егоров.

Опять проклинал мещан. Левин рассказал, что какой-то мещанин и аноним прислал в «Литературку» письмо. «Ваша газета, – писал он, – постоянно выступает за то, чтобы люди, сталкиваясь с проявлениями хулиганства, не проходили мимо, вмешивались и давали отпор, а не дожидались милиции. А что значит «дать отпор»? Вот хулиган толкнул девушку – вы хотите, чтобы я кинулся ей на помощь? А если мне хулиган воткнет нож в сердце? Ведь я тоже человек. У меня семья, дети, и сам я тоже хочу жить...»

Этому хотевшему жить мещанину и анониму очень досталось и от Левина, и от Егорова. Они призвали публику не проходить мимо. Рождественский от критики анонима уклонился и прочел стихи с прозрачным подтекстом о речке, над которой начинается рассвет.

Марксизм и ландыши

Выступление кончилось поздно. После чтения стихов еще были споры со слушателями. Некоторые из них соглашались с анонимом и тоже мужество проявлять боялись.

Ночью мы с Левиным стояли на Крымском мосту, и он, взяв меня за грудки, читал мне свои стихи. Я боялся опоздать на последнюю электричку, но не решался его прервать. Моему самолюбию льстило, что член Союза писателей читает свои стихи не просто какой-нибудь публике, а лично мне. Однако стихи меня смутили. Первое тоже было о коммунизме: «Без коммунизма нам не жить. / Что реки молока и меда! / Но нам вовеки не забыть / Огней семнадцатого года. / Мы можем мерзнуть до костей, / Травой кормиться, дымом греться...» – и в таком духе дальше.

Когда Левин поинтересовался моим мнением, я растерялся. Сказать, что стихи не понравились, я побоялся. Но все же промямлил, что я, может быть, чего-то не понимаю, но мне представляется, что коммунизм – это жизнь, полная изобилия и удовольствий, а не «травой кормиться, дымом греться».

– Простите, Володя, – спросил Григорий Михайлович, – у вас какое образование?

– Десять классов вечерней школы.

– Стало быть, вы марксизм подробно не изучали?

– Нет, не изучал.

– Вот поэтому у вас такие примитивные представления. Тот коммунизм, о котором вы говорите, – вульгарный коммунизм...

Несмотря на мою критику, Левин со мной расставаться не спешил, и я, поглядывая на часы, прослушал стихи, которые вскоре стали довольно известными: «На привокзальной площади / Ландыши продают. / Какой необычный странный смысл / Ландышам придают. / Ландыши продают. / Почему не просто дают? / Почему не дарят, как любимая взгляд?..»

И так далее.

Это были совсем другие стихи. Я испытал чувство восторга, которое, к удовлетворению Левина, тут же и высказал. Но потом, в электричке (все-таки на последнюю ус-

пел), остыл, задумался и понял, что в них тоже что-то не то.

Стихи напрашивались на пародию. «Почему пряники продают?» Или «Почему ботинки не дарят, как любимая взгляд?».

Если говорить не стихами, а прозой, ландыши – какой-никакой товар. За этими ландышами надо поехать в лес, там их собрать, сложить в букетики и потом что? Раздаривать налево и направо?

Чем больше я читал стихи советских поэтов, тем больше находил в них примеров отвлеченной романтики и бессмысленного пафоса. Даже у Ярослава Смелякова: «Если я заболел, к врачам обращаться не стану. / Обращаюсь к друзьям (не считайте, что это в бреду)...»

Такое поведение, как и раздачу ландышей, я бы считал глупостью, а не бредом. А дальше – уж точно бред: «Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом...» Нет, подумал я, такое мышление мне никогда не будет доступно. Значит, может быть, я этого тоже не понимаю, как и марксизма, потому что недостаточно образован. И настолько необразован, что никогда этого не пойму.

Впрочем, такие мои сомнения вскоре были развеяны. Я, относясь к себе достаточно строго, заметил, что в моем развитии все-таки наблюдается прогресс, что в поэзии есть образцы, которые мне понятны, и они, пожалуй, получше непонятных. Да и в моих собственных стихах тоже кое-что появилось.

Кроме того, я заметил, что у большинства литераторов, смущающих меня своей образованностью, нет знания того предмета, который называется жизнью. И мои, по определению Горького, университеты тоже чего-то стоят.

Плевки в более грубой форме

Главным событием, связанным с XX съездом, стало освобождение из лагерей миллионов заключенных. Но были и другие признаки либерализации системы. Колхозникам выдали паспорта, трудовни заменили зарплатой. Рабочие получили право по своему желанию уволиться с работы, предупредив об этом за две недели. Я этим правом воспользовался, когда узнал, что власти в Москве вынуждены временно прописывать иногородних. Именно с 56-го года Москва стала безудержно расширяться, а кто будет ее строить? Не москвичи же!..

Кадровик сказал, что меня не отпустит и трудовую книжку не отдаст. Я сказал: «А вот же новый закон». Кадровик сказал: «Плевать я на этот закон хотел». На самом деле он употребил более крепкое слово. Я пошел к начальнику станции. Тому на закон тоже было наплевать в более грубой форме, потому что, если этого не делать, сбегут все. То есть, сказал он, по закону я, конечно, могу через две недели не выйти на работу, но куда я пойду, если он не отдаст мне трудовую книжку? Его начальство, сидящее в Рязанской области, скорее поймет его плевки в грубой форме, чем меня. Тогда я стал читать ему свои стихи. К моему удивлению, он выслушал их внимательно и сказал: «Не знаю, получится ли из вас поэт, а из меня начальник не получится». После чего подписал заявление. Я тут же ринулся в Москву, явился в отдел кадров Бауманского ремстройтреста – и был принят на работу плотником пятого разряда. С предоставлением общежития.

Продолжение следует